

Муратбек Иманалиев: «Центральноазиатская дипломатия: “Диалог в целях развития”»

Муратбек Иманалиев: «Центральноазиатская дипломатия: “Диалог в целях развития”»

16.12.2013

«“Энергетические” отношения должны носить не только деловой, торговый характер, но и гуманитарно-цивилизационный», – отметил в своей статье Муратбек Иманалиев, президент Института общественной политики.

Сегодня в условиях «стратегической неопределенности» (термин президента России В.Путина) мир, ко всему прочему, проходит также испытание и «конфликтоориентированными импульсами», формирующимися за счет глобальных кризисов, имеющих в каждом регионе, в каждой стране свои «местечковые» проявления. Порой создается впечатление, что мир захлестнула стихия отчуждения и подозрительности, высокомерия и безнравственности.

Международные отношения как один из основных смыслов и форм жизнедеятельности людей и государств, к сожалению, не находятся вне контекста сказанного выше. В частности, вызывает понятную озабоченность то обстоятельство, что переоценка базовых элементов существующей системы международных отношений и моделирование будущих конструкций мироустройства вновь, как и в предыдущие периоды существования человечества, проводится с позиций предусматриваемой конфронтационности и заблаговременной «прорисовки портретов» будущих соперников и

конкурентов.

Тем не менее, отрадно сознавать, что немало и позитивных идей, тенденций и проектов, могущих составить то полезное и необходимое НАЧАЛО ожидаемого развития. Центральная Азия – исторически и географически мотивированный к меж- и внутрирегиональному сотрудничеству и посредничеству район мира.

Но возможные геополитическая и религиозно-культурная посредническая деятельность и дипломатия требуют, прежде всего, оценки потенциала, которым располагают центральноазиатские государства в совокупности и каждое в отдельности для выполнения такой весьма сложной миссии.

Следует признать, что на сегодняшний день возможности центральноазиатских государств ограничены или, скажем так, они широки настолько, насколько эти страны дееспособны как независимые государства и насколько адекватно и полноценно понимание элитами Центральной Азии значимости региона как реально сконструированного международного политического пространства, в том числе имеющего и глобальное измерение. Очевидно, что от этого во многом зависят проектирование и реализация политических, экономических и культурно-гуманитарных «акций влияния» на внешний мир с последующим формированием и развитием не только позитивных представлений о Центральной Азии у внерегиональных лидеров и народов, о ее потенциале в том или ином качестве субъекта международной жизни, но и осуществлением практических мероприятий с целью развития многоаспектного сотрудничества с другими странами и межгосударственными объединениями, одновременно используя наращиваемый позитив для внутреннего обустройства региона.

Разумеется, что центральноазиатские страны, в свою очередь, испытывают влияние других стран, прежде всего ведущих держав, и некоторых межстрановых объединений на функционирование и развитие своих политических систем, социально-экономических контентов, общественных отношений, внешнеполитических стратегий и многого другого.

Однако представляется, что внешнее влияние на формирование институционального развития государств региона было и остается не более чем фрагментарным. Например, попытки «демократизировать» Центральную Азию не имели всеобъемлющего и программного подхода, в частности, право и нравственность как ценностные емкости и «ограничители», без которых демократия не более чем анархия и охлократия, были представлены в процессах демократического «всеобуча» секторально либо вообще отсутствовали. При этом, конечно, я разделяю мнение ряда отечественных и зарубежных экспертов о том, что упомянутые проблемы все-таки больше относятся к категории проектных решений внутренними усилиями элит и народов региона, разумеется, при условии, что они не только проявляют интерес, но и в определенной степени готовы к их реализации.

Следующая тема для понимания: насколько интенсивен и содержателен процесс исламизации или реисламизации в центральноазиатских государствах? Хотелось бы понять, какие местные и зарубежные институты и миссии вовлечены в этот процесс. Это возврат и реставрация или это нечто новое? Можно ли понимать этот процесс как движение навстречу друг другу исламского мира и центральноазиатских государств и народов или это все-таки одностороннее движение? И вообще следует разобраться, кого и что имеют в виду политики, ученые и общественные деятели, когда говорят об «(ре)исламизации» центральноазиатского региона? Представляется, что серьезная исследовательская работа по этой проблематике только

начинается.

И, наконец, могут ли центральноазиатские государства использовать свою некую весьма слабую, но формально юридическую инкорпорированность в деятельность некоторых европейских институтов и свою принадлежность к миру ислама для собственного становления и развития в качестве реальных субъектов современной международной жизни, с одной стороны, и формирования диалоговых коммуникаций между теми же Европой и исламом, с другой стороны? Насколько противоречивы либо вообще антагонистичны ценностные ориентиры Запада и исламского мира, и каков компонент влияния и доминирования эгоистичных интересов стран обоих миров, на основе которых выстраиваются их позиции? В дополнение к сказанному отмечу также и то обстоятельство, что необходимость оценки сказанного в данном абзаце и поиск формул совместимости ценностных емкостей имеет самое непосредственное отношение и к внутривнутриполитической ситуации в центральноазиатских странах.

Центральная Азия всегда была местом схождения цивилизационно-культурных потоков и мировых религий, при этом играя роль внутриконтинентального связующего коридора, правда, без ярко выраженного в смыслах прогресса, как это понималось в Европе, но с функцией интеграционного начала с экстенсивной механикой развития. Последнее в большей степени относится также и к культуре кочевнической мобильности в контексте политических, экономических и иных потребностей, отражавших мировосприятие евразийских номадов, историческая миссия которых, на мой взгляд, заключалась в перемещении неких, порой виртуализированных ценностных емкостей из одного культурно-цивилизационного пространства в другое, но которыми они сами практически не пользовались.

Геополитика, в данном случае как применение географии в качестве политико-пространственного инструментария, также способствовала в общих чертах формированию Центральной Азии как «посреднического» региона. Однако смыкание в XIX столетии именно в Центральной Азии российского и цинского военно-организационных и политико-социальных пространств, в практике межгосударственных отношений нашедшее закрепление в российско-китайском пограничном размежевании, разрушило эту «посредническую» ипостась геополитической характеристики региона. В последующем была демонтирована и интеграторско-посредническая идеологема, которая всегда присутствовала при создании кочевых и оседлых государств и иных сообществ на пространстве Евразии.

В настоящее время новые государства в Центральной Азии, стремящиеся к построению собственных моделей национальной государственности, одновременно пытаются возродить и реконструировать смыслы (пока в контурах) посредническо-интеграционных традиций, существовавших ранее. Правда, следует признать, что унаследованы лишь некие фантомные явления этих самых традиций: собственно сами смыслы стерты из памяти.

Но сегодня, во всяком случае некоторые интересные инициативы, которые с определенной натяжкой можно категориально отнести к формулам подобных традиций и импульсирующие из Центральной Азии, находят понимание и поддержку других государств. Например, казахское СВМДА, узбекская безъядерная зона, таджикская «Декада воды», кыргызский «Шелковый путь» и т.д. Даже туркменский «нейтралитет» в пределах определенных историко-культурных традиций можно рассматривать как стихийно реставрирующийся внутренний позыв к возрождению этих политических конструкций. Хочу при этом напомнить, что обсуждение вопросов нейтралитета имело место быть и в других центральноазиатских странах на заре их независимости.

Эти инициативы поддержаны многими европейскими и исламскими государствами. Однако требуется их развитие в сторону не организационных трендов и сиюминутного улучшения имиджа, а распространение их в качестве устойчиво и позитивно воспринимаемых другими странами идей.

В частности, с моей точки зрения, вполне можно было бы использовать создание безъядерной зоны в Центральной Азии для укрепления идей нераспространения и отказа от использования Атома в военных целях. И в этом контексте следовало бы более масштабно и полноценно использовать, например, решение евразийского и мусульманского Казахстана, который добровольно отказался от статуса ядерной державы. Полагаю возможным, что согласованные и активные действия стран центральноазиатского региона при поддержке ООН и других глобальных и региональных организаций, отдельных государств, таких, например, как Россия, Китай, США, были бы способны привлечь к такому процессу широкий круг исламских и европейских стран, включая при определенных условиях Иран. Почему бы не подумать о присоединении Афганистана к центральноазиатской «безъядерной» зоне?

В данном контексте было бы весьма актуально и полезно для стран региона вынести в повестку дня центральноазиатского (и не только) сотрудничества проблему нераспространения в ее более насыщенном, динамичном и конструктивном виде, а не ограничиваться только подписанием договора о создании безъядерной зоны: необходима верстка региональной «безъядерной» политики и ее инструментов. Добавлю лишь то, что Центральная Азия, окруженная ядерными державами, а также странами, намеревающимися стать таковыми, должна быть более активной в укреплении и развитии этих идей.

Нефть и газ всегда имели отраженное либо косвенное политическое измерение, но сегодня они – часть большой международной политики. И ее важным сегментом стали некоторые центральноазиатские государства. «Трубопроводная» дипломатия становится определяющим направлением внешней политики этих стран: становится очевидным, что формирование «многовекторности» зачастую зависит от разветвленности нефтегазопроводов. Предвижу отчаянные возражения, но, тем не менее, выскажусь в том смысле, что существующий подход к пониманию и использованию энергетики в коридоре внешнеполитических усилий представляется весьма пассивной формой развития взаимоотношений с другими странами и регионами. Естественная конкуренция государств и их эгоистические интересы не должны доминировать над общечеловеческими ценностями. «Энергетические» отношения должны носить не только деловой, торговый характер, но и гуманитарно-цивилизационный. Как бы вульгарно и насмешнически ни звучала следующая сентенция, но все-таки в ней есть рациональное зерно: трубопроводы надо было бы облачить в «диалогово-конструктивные одеяния».

Другим солидным ресурсом формирования интеграционно-посреднических международных конструкций для центральноазиатских государств является вода, о которой много лет в алармистских тонах говорят и пишут многие государственные мужи, маститые ученые и дипломаты. Однако много и бесплодно обсуждаемая тема воды, превратившаяся в нечто вроде политологической моды, не привела к появлению серьезных региональных и глобальных проектов, способных решить эту проблему хотя бы в превентивном порядке.

Совершенно очевидно, что вода, имея колоссальную экономическую и социальную значимость, вместе с тем располагает и своим международно-политическим измерением. Вода не должна стать

предметом и поводом конфликтов и войн, более того, она должна стать, по моему разумению, инструментом интеграции и совместного развития. Убежден, что настала пора формирования «водной» политики и дипломатии стран Центральной Азии. Поддержка Евросоюзом и другими международными образованиями «водных» инициатив государств региона для нас должна быть сигналом к выработке общих позиций, в том числе и по внерегиональным азимутам, предполагающих полноценное привлечение к сотрудничеству других стран.

Понимание того, что вода может рассматриваться как общечеловеческое достояние и непревзойденная ценность и что разумное и совместное использование воды в интересах всех живущих на Земле, – это еще одна возможность проявления центральноазиатскими странами своей способности быть «посредниками», а не только выражать политическую и иную солидарность.

Движение в этом направлении обуславливает потребность в принципах и механизмах содейтельности. Например, в руководящих принципах, признаваемых всеми участниками диалога, и иных политико-дипломатических коммуникаций. Как мне представляется, необходимы разработка и введение в действие принципа региона, смысл которого заключается в том, что все страны Центральной Азии, включая Афганистан, как бы стянуты в единый водно-географический регион двумя водными нитями Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, истоки которых находятся в горах Памира и Тянь-Шаня и которые, прорезая горы, долины и пустыни, соединяются (или соединялись) в Аральском море. Сконструированная таким образом водно-бассейновая система делает все страны Центральной Азии взаимозависимыми. Осмысление этой геоприродной данности, очевидно, могущей при общих усилиях трансформироваться в цивилизационную ценностную емкость регионального уровня, должно было бы, наверное,

сформулировать, прежде всего, понимание и далее идеи и проекты построения, если не единого в смыслах региона, то, во всяком случае, договорно-проектного экономического и информационно-гуманитарного пространства и, сообразно изложенному, выработать региональную Повестку Дня развития.

Предполагаемый диалог будет нуждаться и в других руководящих принципах, в том числе и в принципе экологического баланса, и в принципе компенсации, и в принципе межотраслевого баланса интересов и т.д.

Очевидно, что важнейшей и ведущей компонентой диалоговых коммуникаций должны быть проблемы безопасности. Трансграничная преступность, выражаемая в перманентной эскалации терроризма, наркотизма, торговли людьми, оружием и т.п., требует большей активности и результативности совместной деятельности глобальных и региональных международных организаций, неправительственных и общественных объединений, отдельных государств.

Очевидна перспектива таких консультативных площадок, как «Центральная Азия – Евросоюз», «Центральная Азия – Япония», «Центральная Азия – Корея» и т.д.

Однако при всех позитивных оценках, достаточно высоком авторитете и оценке значимости таких диалоговых коммуникаций приходится признавать, что сегодня уже нужны принципиально иные база и концепция диалога. Наверное, не совсем продуктивно и с точки зрения методологии формирования политического диалога, и с точки зрения предусматриваемых смыслов, и с точки зрения искомого результата обсуждать с партнерами только свои

проблемы. Мне кажется, что основной темой обсуждения должны быть все-таки проблемы сотрудничества между регионами. И, во-вторых, следовало бы расширить тематику обсуждений.

Вновь напоминая в данном опусе о сказанном ранее, я имею в виду посредничество Центральной Азии, полагал бы возможным обсуждение вопроса о формировании конференциального канала контактов, в пределах которых роль некоего «связующего» звена на себя взяли бы страны, являющиеся одновременно членами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и Организации исламского сотрудничества. В число таких стран входят центральноазиатские государства, Турция, Азербайджан, Босния и Герцеговина, Албания. Главная задача такой постоянной действующей конференции заключается не в «усаживании» за общий переговорный стол стран, входящих в ОБСЕ и ОИК (наверное, это и невозможно, во всяком случае сегодня), а в перспективной двусторонней ретрансляции ценностных емкостей и ориентаций, а в последующем и поиска путей их гармонизации.

Речь в данном случае может идти о широком наборе направлений, включая вопросы безопасности, экономики, межконфессиональных и межкультурных отношений. Функционирование такой конференции, вероятно, предполагает ее определенную самостоятельность, но не обособленность. Важен компонент «второго и третьего эшелонов» предварительного внутреннего диалога, т.е. деятелей культуры, науки, религиозных, общественных и неправительственных организаций, разумеется, с участием представителей европейских и мусульманских стран, если на то будет их добрая воля. И важно еще одно: подключение США, России, Китая, Индии и Евросоюза к такого рода конференциям.

Представить себе, что центральноазиатские и другие страны –

участницы такой конференции были бы в состоянии влиять на конкретный исламский или европейский регион, весьма сложно, но в будущем общеполитические и межконфессиональные диалоги, ориентированные на поиск пути решения общих проблем, вполне вероятны, а самое главное – нужны.

Данная публикация подготовлена при технической поддержке Посольства Великобритании в Кыргызстане. Материалы публикации не отражают официальную точку зрения Посольства.

[Вернуться на главную](#) / [Версия для печати](#)